

УДК 902.01
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-7-164-175

Каменный инвентарь неолитических комплексов с плоскодонной керамикой лесной зоны Зауралья

Л. Л. Косинская

*Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия*

Аннотация.

Для понимания процесса неолитизации важно установить наличие или отсутствие преемственности каменного инвентаря мезолитических и раннеолитических памятников. Индустрии ранних поселений с плоскодонной керамикой севера Западной Сибири относятся к типу кварцево-сланцевых (орудия на сколах ударно-контрударного расщепления, шлифованные орудия), но сохраняют в ограниченном объеме микропластинчатый комплекс. Их истоки прослеживаются в местном мезолите. Раннеолитический инвентарь Среднего Зауралья, в основе микропластинчатый, включает шлифованные рубящие орудия и принципиально не отличается от позднемезолитического на данной территории. Сравнение с инвентарем лесостепных памятников показывает своеобразие лесных комплексов. В каждом регионе раннеолитические традиции камнеобработки наследуют местные мезолитические, что проявляется в видах используемого сырья и соответствующих технологиях, в составе и типологии орудийного набора. Но доля микропластинчатого расщепления в северных индустриях существенно снижается.

Ключевые слова

Западная Сибирь, Зауралье, ранний неолит, ранняя плоскодонная керамика, каменные индустрии

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ «Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования», тема № FEUZ-2020-0056.

Для цитирования

Косинская Л. Л. Каменный инвентарь неолитических комплексов с плоскодонной керамикой лесной зоны Зауралья // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 7: Археология и этнография. С. 164–175. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-7-164-175

Stone Inventory of Neolithic Sites with Flat-Bottomed Ceramics of the Trans-Urals Forest Zone

L. L. Kosinskaya

*Ural Federal University
Ekaterinburg, Russian Federation*

Abstract

Purpose. The earliest sites with different variants of flat-bottomed ceramics in the forest zone of Trans-Urals and Western Siberia date back to the 7th – the beginning of the 6th millennium BC. To understand the process of neolithization, it is important to ascertain the succession of their lithic industries with previous Mesolithic.

© Л. Л. Косинская, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 7: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 7: Archaeology and Ethnography

Results. A review of the Early Neolithic stone inventory reveals two distinct areas in the forest zone. The northern one (Lower Ob, Surgut Ob and Konda basin) is characterized by three technologies: direct percussion flaking and block-on-block knapping of quartz, with inexpressive rarely retouched tools such as scrapers and scaled pieces; percussion-abrasive technique for polished knives, arrowheads, adzes and axes; punch technique for flint inset bladelets, without any arrowheads. Although investigated Mesolithic sites are not numerous in this area, it is clear that the first two technologies arose in the North since that time, when the microblade technique was the dominant one. Lithic assemblages of Early Neolithic settlements in the southern forest zone (Middle Trans-Urals) are generally analogous to the local Mesolithic. The latter included the microblade industry similar to the northern one but supplemented by polished axes. In the Early Neolithic it was completed by arrowheads (tanged points). The inventory of Early Neolithic sites in the Ob-Irtysh forest-steppe region with similar flat-bottomed ceramics almost exclusively contains the flint blade industry resembling the Mesolithic one of the area.

Conclusion. Therefore, it is possible to trace traditions and innovations in stone-processing based on three groups of features. These are the types of available stone raw material and their own appropriate technologies, the preservation degree of microblade industry, the nomenclature and typology of implements. According to these traits, in each of the three districts, the Early Neolithic stone industry inherited traditions of the local Mesolithic, but developed in its own way.

Keywords

Trans-Urals, Western Siberia, Early Neolithic, early flat-bottomed ceramics, stone industry, lithic technologies

Acknowledgments

The study was carried out as part of the State task of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation “Regional Identity of Russia: Comparative Historical and Philological Studies”, project no. FEUz-2020-0056

For citation

Kosinskaya L. L. Stone Inventory of Neolithic Sites with Flat-Bottomed Ceramics of the Trans-Urals Forest Zone. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 164–175. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-7-164-175

Введение

В разработках проблем неолитизации урало-западносибирского региона основное внимание уделяется важнейшей культурной инновации – керамике. Ранний пласт памятников с керамикой в настоящее время относится преимущественно к VII – началу VI тыс. до н. э., а в лесостепи – даже к рубежу VIII–VII тыс. до н. э. [Молодин и др., 2018]. Между тем для построения модели неолитизации важно решить вопрос о преемственности с культурами предыдущего периода – мезолита. Основным источником информации такого рода служит каменный инвентарь. Поэтому, исходя из описания его особенностей для мезолитических и раннеолитических памятников региона, важно выделить значимые для сравнительного анализа индустрий группы взаимосвязанных признаков. Собственно, это и является целью настоящей публикации.

Судя по количеству открытых памятников, Среднее и Южное Зауралье было довольно плотно заселено уже в мезолите, и в неолите картина принципиально не изменилась. Совершенно иная ситуация отмечается на Западно-Сибирской равнине: неолитические памятники становятся не только заметно многочисленнее, но появляются в новых, ранее «пустовавших» районах (Барабинская лесостепь, низовья Туры и Иртыша, Сургутское и Среднее Приобье). Исключением является только бассейн р. Конды, который по степени освоенности еще в мезолите не уступает Среднему Зауралью. Северная граница распространения раннеолитических памятников к настоящему времени располагается в южной части Нижнего Приобья и к северу от Сибирских Увалов, примерно на широте 64°. Освоенные человеком территории лежат в пределах современной таежной и лиственно-лесной зон Сибири, однако если обратиться к реконструкции ландшафтных границ в атлантический период голоцена, то становится ясным отсутствие неолитических памятников в подзоне северной тайги и в тундре того периода. Следует также отметить, что степень заболоченности была несравнимо ниже современной [Развитие ландшафтов..., 2002. Карта 7. С. 27. С. 100, 121, 161–162], что не могло не отразиться на емкости кормящего ландшафта и на возможностях перемещения по территории.

Районы, где выявлены неолитические памятники, как правило, отличаются наибольшей археологической изученностью. Поэтому, принимая за рабочую гипотезу изменение демографической ситуации в неолите по сравнению с мезолитом (расширение освоенных человеком территорий и, по-видимому, рост численности населения), нельзя исключать вероятности того, что на наблюдаемую картину существенно влияет неравномерность изученности региона. Освоение новых районов могло осуществляться как аборигенным мезолитическим населением, так и коллективами, продвигавшимися на Западно-Сибирскую равнину с сопредельных территорий.

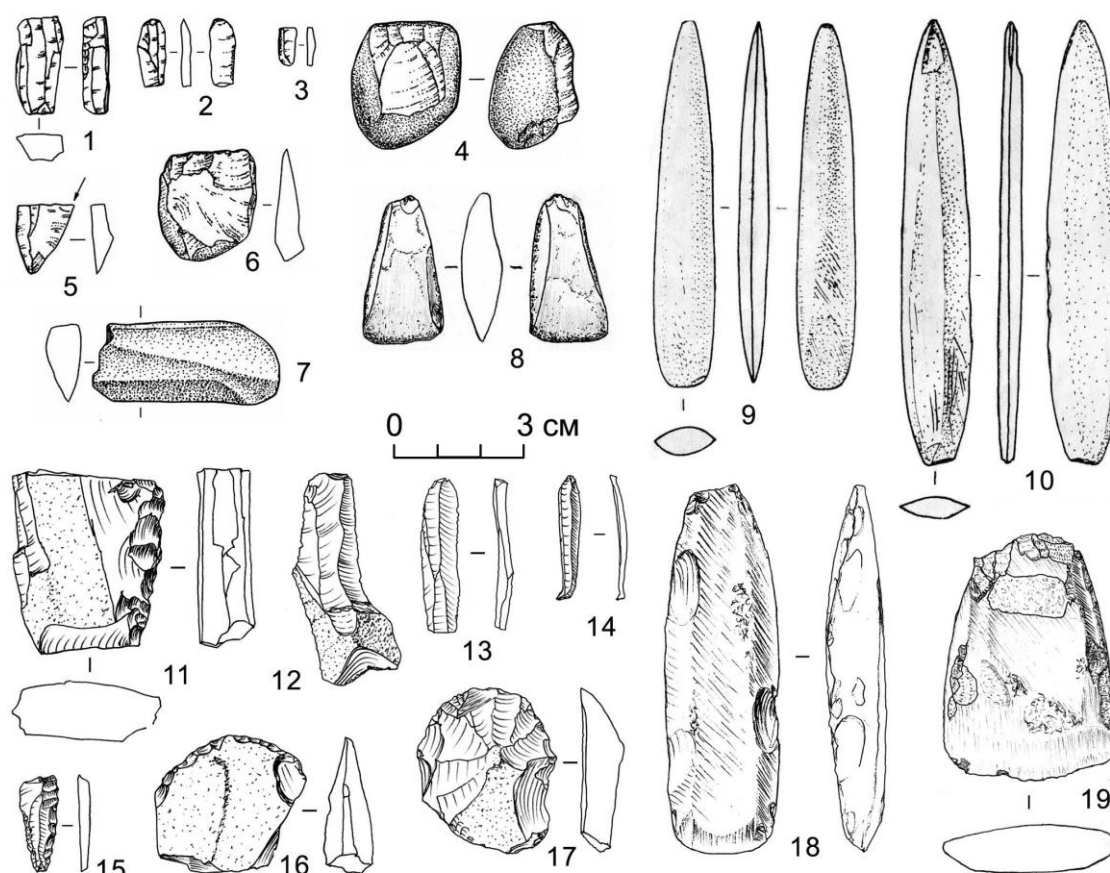
Материалы и обсуждение

Наиболее ранние, судя по абсолютным датировкам, комплексы с плоскодонной керамикой распространены по всей территории Западной Сибири – от современной лесостепи до северной тайги, в том числе Зауралья. Поэтому не удивительно, что они имеют довольно пеструю культурную атрибуцию. В южной части региона их ассоциируют в первую очередь с кошкинской культурой и с ранним пластом памятников боборыкинского облика [Зах, Скочина, 2009; Еньшин, 2019; Шорин, Шорина, 2019]. На севере немногочисленные памятники с керамикой амнинского, каюковского, шоушминского и сатыгинского типов предложено рассматривать в рамках одной керамической традиции [Дубовцева, 2015].

Что же представляет собой каменный инвентарь этих комплексов? В Нижнем Приобье наиболее представительная коллекция происходит с городища Амня I (см. рисунок, 1–10) – сложного по структуре памятника с двухкомпонентным керамическим комплексом. Здесь плоско- и круглодонную керамику с прочерчено-накольчатый орнаментом сопровождает круглодонная посуда, декорированная печатной и шагающей гребенкой [Дубовцева и др., 2019]. В каменном инвентаре преобладают изделия из кварца, полученные ударным и контрударным расщеплением. Орудия с минимальной вторичной обработкой или без нее отличаются морфологической неопределенностью (см. рисунок, 4, 6). Вторая составляющая – выразительный набор шлифованных орудий (рубящие, наконечники стрел и ножи) (см. рисунок, 7–10) и инструменты для абразивной обработки. Самая малочисленная группа (6,5 %) представлена микропластинчатым инвентарем из кремня и единично – из кварца: около 40 фрагментированных пластинок шириной 3–7 мм и 14 нуклеусов из небольших галек и кусков. Нуклеусы конусовидные, призматические 1–2-площадочные, один торцевой, все без продольного тыльного ребра. Пластинки, судя по технологическим признакам, получены техникой отжима. Почти половина подработана по боковому краю мелкой краевой ретушью, чаще дорсальной. Единичны пластинки с притупленной спинкой и с притупленными ретушью одним или обоими концами, с резцовым сколом на углу [Морозов, Стефанов, 1993; Стефанов, Борзунов, 2008].

На втором памятнике амнинского типа – поселении Кирип-Вис-Юган-2, найдена только круглодонная керамика амнинского типа, сосудов с гребенчатым орнаментом нет. Каменный инвентарь (97 экз.) представлен теми же тремя группами, что и на памятнике Амня I, но в более скромном количестве [Стефанов и др., 2005. С. 23–31]. Индустрии подобного типа заслуженно получили название кварцево-сланцевых.

Описанные материалы укладываются в хронологический диапазон середины или конца VII – первой четверти VI тыс. до н. э. Следует добавить, что посуда, аналогичная амнинской гребенчатой керамике, обнаружена на хронологически близком поселении Ет-То I, расположенном на водоразделе в истоках рек Надыма и Пура, в 250 км восточнее объекта Амня I. Каменный инвентарь памятника по всем признакам также относится к кварцево-сланцевым индустриям, но не содержит кремневой группы призматического расщепления. Не исключено, что на состав инвентаря повлияла специализация поселения – камнедобывающая деятельность [Косинская, 2013. С. 242–243]. Таким образом, можно предполагать, что кварцево-сланцевые индустрии в раннем неолите Нижнего Приобья были уже нормой.

Каменный инвентарь с городища Амня I (1–10) и со стоянки Береговая II (11–19):

1, 4, 11 – нуклеусы; 2, 3, 12–14 – пластинки; 5 – угловой резец; 6, 16, 17 – скребки; 7 – нож; 8, 18, 19 – тесла; 9, 10, 15 – наконечники стрел (1–3, 5, 11–17 – кремль и кремнистые породы; 4, 6 – кварц; 7–10, 18, 19 – сланцево-туфовые породы; подготовлено по: 1–10 – [Морозов, Стефанов, 1993. Рис. 1, 6, 7; 7, 2; Стефанов, Борзунов, 2008. Рис. 9, 2, 4, 6, 11, 13, 20])

Stone inventory from the fort of Amnya I (1–10) and from the site of Beregovaya II (11–19):

1, 4, 11 – lithic cores; 2, 3, 12–14 – blades; 5 – angle burin; 6, 16, 17 – scrapers; 7 – knife; 8, 18, 19 – adzes; 9, 10, 15 – arrowheads (1–3, 5, 11–17 – flint and flint rocks; 4, 6 – quartz; 7–10, 18, 19 – slate and tuff rocks; prepared by: 1–10 – [Morozov, Stefanov, 1993. Fig. 1, 6, 7; 7, 2; Stefanov, Borzunov, 2008. Fig. 9, 2, 4, 6, 11, 13, 20])

В Сургутском Приобье традиция ранней плоскодонной керамики представлена несколькими поселениями. Два из них (Каюково-2 и Микишкино-5) отнесены к каюковской культуре. Каюково-2 представляет собой уникальный архитектурный комплекс – укрепленное поселение круговой планировки, содержащее выразительную керамическую коллекцию. Напротив, каменный инвентарь памятника крайне беден – всего два десятка предметов. Это шлифованные топоры, тесла (в том числе желобчатое), оригинальный шлифованный нож на изогнутом обломке, сколы со шлифованных орудий, шлифовальные плитки. Твердые породы, пригодные для расщепления, представлены единичными сколами [Ивасько, 2002]. Среди материалов поселения Микишкино-5 упомянуто только шлифованное тесло.

Столь же малочисленны каменные изделия на селище Барсова Гора II/9, керамика которого близка к каюковской. В восьми раскопанных здесь жилищах найдено менее 50 предметов: шлифованные рубящие орудия (топоры, тесла, в том числе желобчатое) и аналогичные амнинским шлифованные наконечники стрел, сколы со шлифованных орудий, обломки шлифо-

важных плит. Нуклеусы под отщепы и скребок изготовлены из кварца, листовидный наконечник стрелы с краевой двусторонней ретушью – из кремневого отщепа [Чемякин, 2009. С. 203–210].

Противоположностью этим памятникам выступает комплекс жилища 1а селища Черная-3. Его каменный инвентарь (43 экз.) характеризуется преобладанием качественного кремня. Почти половина коллекции – фрагментированные микропластинки-вкладыши шириной 3–8 мм, большинство без вторичной обработки, но со следами износа. Остальное – кремневые обломки, осколки галек, мелкие отщепы, чешуйки, пренуклеус на обломке гальки. Найден точильный брусок, но нет шлифованных орудий. По всем признакам микропластинчатый комплекс сопоставим с таковым городища Амня I. На всех сургутских памятниках, включая и названное, каменные орудия дополняются керамическими абразивами.

По результатам радиоуглеродного датирования (за исключением явно «омоложенных» дат), сургутская группа попадает в диапазон 6 100–5 500 л. до н. э. На наш взгляд, особенности их каменного инвентаря могут объясняться, с одной стороны, острым дефицитом сырья (на большинстве нео-/энеолитических поселений Барсовой Горы каменные изделия – большая редкость), с другой – хозяйственной специализацией и (или) особым функциональным статусом конкретных жилищ и поселений.

В бассейне р. Конды древнейшими являются комплексы с керамикой шоушминского типа. Толстостенные сосуды с округлыми и уплощенными днищами орнаментированы оттисками отступающей палочки, проташенной и шагающей гребенкой. Каменный инвентарь жилища 10 эпонимного поселения Шоушма-10 включает изделия из кремнистых пород и кварца: мелкие пластинки, скребки и острия на пластинках, разнообразные скребки на отщепах, долотовидное орудие, орудия на сколах без дополнительной обработки. Расщепление производилось ударной, контрударной и призматической техниками. Из шлифованных орудий найден только нож, имеются абразивы [Клементьева и др., 2012. С. 506, 520. Рис. 8Б]. Напротив, в жилище 2 поселения Большая Умыгтя-8 представлены шлифованные тесла, ножи и обломок наконечника стрелы того же типа, что и амнинские, абразивы из валунов и галек [Там же. С. 504, 518. Рис. 6Б]. Возраст описанных комплексов определяется в пределах 6 000–5 500 – 5 200 л. до н. э.

Наименее ясен характер каменного инвентаря памятников Северного Зауралья и р. Конды с керамикой сатыгинского типа. К ним относятся поселения Нижнее Озеро III, Сумпанья II, IV, VI, нижние отложения культового памятника Усть-Вагильский холм. Инвентарь Нижнего Озера III происходит из трех жилищ, в которых керамика сатыгинского типа залегала совместно с посудой, близкой к кошкинской и сумпаньинской. В предварительной публикации содержалась лишь краткая характеристика каменного инвентаря: качественное сырье (кремень, яшма), сочетание пластинчатой и отщеповой техник, стандартный для поселений орудийный набор [Чаиркин и др., 2009. С. 174]. На Усть-Вагильском холме стратифицированный культовый комплекс с керамикой сатыгинского типа содержал «клад» кремневых отщепов, ножевидную пластинку с ретушью и черешковый наконечник стрелы на пластине с краевой ретушью [Панина, 2011. С. 184]. Керамика сатыгинского типа с поселений Конды [Хлобыстин, 1993] залегает в заполнении сумпаньинских жилищ, и поэтому сопоставить ее с какой-либо частью каменного инвентаря не представляется возможным.

Интересные данные получены недавно из Среднего Зауралья. На торфяниковой части многослойной стоянки Береговая II в раннеэнеолитическом слое возрастом 6 200–5 900 – 5 700 л. до н. э., ограниченном сверху и снизу стерильными отложениями, совместно залегала керамика кошкинского (основной комплекс), басыановского и боборыкинского типов, в том числе обломки плоских днищ. Каменный инвентарь имеет микропластинчатый облик (торцевые нуклеусы, микропластинки без вторичной обработки, обломок наконечника стрелы с намеченным черешком на пластинке) (см. рисунок, 11–15). На отщепах изготовлены только скребки и резчик (см. рисунок, 16, 17), найдены шлифованные рубящие орудия (см. рисунок, 18, 19) и их заготовки, обломок шлифованного перфорированного диска. Выборка

каменного инвентаря из раскопа на основной, суходольной части стоянки, сформированная по результатам пространственного анализа, позволила дополнить параметры раннеолитической пластинчатой индустрии. Для нее характерны торцевые и призматические нуклеусы, часто с продольным тыльным ребром, пластинки-вкладыши с преобладающей шириной 0,5–0,8 см, без вторичной обработки, орудия на пластинках шириной 0,8–1,0 см (концевые и боковой скребки, угловые резцы, симметричное острие без плечиков, пластинка с парными выемками, черешковый наконечник стрелы). Особо отметим, что каменный инвентарь раннего неолита не имеет принципиальных отличий от позднемеолитического этой же стоянки ни в сырьевом, ни в технологическом и технико-морфологическом отношении.

Близкие аналогии описанной индустрии памятника Береговая II находим на святилище Кокшаровский Холм, где микропластинчатый комплекс соотносится преимущественно с кошкинскими и басьяновскими объектами, но содержит более широкую номенклатуру орудий, в том числе и черешковые наконечники стрел [Вилисов, 2006]. Басьяновская стоянка Второй Поселок I [Шорин и др., 2015] демонстрирует сходные характеристики каменного инвентаря: пластинчатый тип индустрии, высокая степень микролитизации пластин, типология нуклеусов, орудий на пластинах и отщепках и шлифованных рубящих орудий. Принятая исследователями позднеолитическая датировка комплекса (^{14}C датировки по остаточной органике в керамическом тесте) противоречит раннему облику каменного инвентаря, но соответствует единственной ранней дате, полученной по углю. На двух последних памятниках присутствуют в небольшом количестве геометрические микролиты (тронкированные микропластинки и скошенные острия – на объекте Кокшаровский Холм, низкие асимметричные трапеции – на памятнике Второй поселок) и уплощенные нуклеусы для широких пластин [Там же. С. 11–12]. Нуклеусы с уплощенным фронтом для широких пластин происходят также с раннеолитической стоянки Варга-2 с кошкинской и кокшаровско-юринской керамикой. Возраст памятника укладывается в диапазон 6 230–5 850 л. до н. э. [Варга 2..., 2007].

В Среднем Зауралье раннеолитическая индустрия на памятниках с кошкинской и басьяновской керамикой почти не отличается от коллекций многочисленных стоянок среднезауральской мезолитической культуры, включая состав и типологию шлифованных орудий. Некоторые различия наблюдаются в метрических показателях пластинок и количественном соотношении типологических групп инвентаря. К неолитическим инновациям можно отнести нуклеусы с уплощенным фронтом скалывания для широких пластин и цельные черешковые наконечники стрел на пластинах, что неизбежно сопровождается некоторым повышением роли вторичной обработки и появлением плоской захватывающей ретуши.

В северных районах картина пока не столь определенная в силу явной ограниченности источников, к тому же полностью не введенных в научный оборот. Тем не менее, сравнивая раннеолитические комплексы с мезолитическими, можно сделать некоторые предварительные заключения. Кроме Конды единичные мезолитические памятники выявлены в Сургутском Приобье (поселение Большой Салым-4) [Сериков и др., 2018], в истоках Пякупура (стоянка Пямали-Яха-4), на Нижней Оби (стоянка Корчаги IB) [Погодин, 2006]. Несмотря на территориальную разрозненность, их сближает целый ряд общих черт в каменном инвентаре. Это ориентация на разнообразное по составу местное сырье, господство призматической техники отжимного расщепления, высокая степень микролитизации пластин, минимальная роль ретуширования (односторонняя краевая ретушь без явного приоритета дорсальной или вентральной), прямоугольные сечения-вкладыши, угловые резцы и резчики, редкие специфические формы (низкие и асимметричные трапеции, прямоугольники, скошенные острия), отсутствие / единичность цельных наконечников стрел, скребки преимущественно на отщепках. Вместе с тем на кондинских памятниках отмечена техника контрударного раскалывания, применявшаяся к кремнистым породам и кварцу, наличие мелких долотовидных орудий, техника пикетажа и шлифования для изготовления рубящих орудий. Перечисленные характеристики сближают северный мезолит прежде всего со среднезауральским. Аналогии наблюдаются и применительно к микропластинчатым комплексам северных памятников ранне-

го неолита, хотя эта технология и не является ведущей, занимая скромное место в общей массе каменного инвентаря. Развитие кварцевых индустрий с ударным и контрударным расщеплением, внедрение абразивной техники с расширенным ассортиментом шлифованных орудий (рубящие, ножи, наконечники стрел) инновационны для неолита Севера и представляют собой яркий пример адаптации к местным сырьевым ресурсам. Ее основы заложены предшествующими местными традициями камнеобработки.

Насколько традиции Среднего Зауралья и Севера сопоставимы с лесостепными, откуда мог происходить культурный импульс гончарства? В мезолите пластинчатую индустрию, близкую по облику к зауральской, демонстрируют редкие памятники лесостепного Тоболо-Иртышья – Сухрино I, Черноозерье VIa, Гвоздевка-1. Это типы нуклеусов, степень микролитизации пластин, характер вторичной обработки, типологический состав вкладышей и прочих орудий на пластинах, узкий набор орудий на отщепах. Отличия состоят в использовании более однородного и качественного сырья, в редкости торцовых нуклеусов, большей доле скребков на пластинах, отсутствии шлифованных орудий [Генинг и др., 1973; Стоянов и др., 1977; Иващенко, Толпеко, 2006].

Определенные параллели с лесостепным мезолитом заметны в каменном инвентаре ранне-неолитических памятников с плоскодонной керамикой этой территории, таких как Мергень-6 в Приишимье и Тартас-1 в Барабе. Инвентарь поселения Мергень-6 [Зах, Скочина, 2009] характеризуется использованием разнообразного кремнистого сырья и микропластинчатой техникой расщепления. Нуклеусы, преимущественно одноплощадочные, – призматические, конические, клиновидные; один – торцевой двухплощадочный. Пластины шириной 8–15 мм в основном фрагментированы, часть обработана краевой ретушью: острия-перфораторы, иногда пластины-вкладыши, в том числе с усеченным ретушью торцом, наконечники стрел. Последние – укороченные листовидные с выемкой в основании, типичны и для более поздних неолитических культур лесостепного Прииртышья. Из отщепов изготовлены скребки и скобели. Шлифованные орудия редки.

Индустрия памятника Тартас-1 определена как пластинчатая отжимная (степень микролитизации не указана), со значительной долей прямоугольных вкладышей. Особенностью вторичной обработки является применение крутой вентральной краевой ретуши для оформления перфораторов на пластинах и части вкладышей. Скребки полукруглые, округлые, концевые и боковые изготовлены на отщепах. Шлифованные орудия представлены топорами [Молодин и др., 2016]. Таким образом, в лесостепи не наблюдается резкой смены каменных индустрий от мезолита к неолиту.

Заключение

Исходя из описания особенностей каменного инвентаря мезолитических и ранне-неолитических памятников региона, значимыми для сравнительного анализа индустрий выступают группы взаимосвязанных признаков. Типы сырья, доступные для населения в том или ином районе, обуславливали технику его первичной и вторичной обработки. Традиционная для мезолита ударная и отжимная техника обработки изотропных пород господствовала почти в неизменном виде в лесостепном раннем неолите. В лесной зоне ее дополняла ударно-абразивная техника изготовления шлифованных орудий. На севере, в условиях дефицита качественного сырья, лидирующие позиции заняла ударно-контрударная техника, ориентированная на обработку кварца, зародившаяся здесь еще в мезолите.

Вторая группа признаков – доля призматического расщепления и степень его микролитизации. В раннем неолите в таежной зоне, в отличие от южно-лесных и лесостепных районов, она, будучи незначительной в составе каменного инвентаря, сохраняла столь же высокую степень микролитизации, что и в мезолите. Напротив, в лесостепи проявлялась тенденция к некоторому укрупнению каменных изделий.

Третья группа признаков – номенклатура и типология орудий. Значима типология нуклеусов, вкладышей, наконечников стрел, в меньшей степени скребков, а также набора шлифованных орудий. Таежные и лесостепные мезолитические индустрии различаются, вероятно, лишь на уровне локальных вариантов культурной общности. Индустрии раннего неолита более близки к мезолитическим «своих» районов, что можно трактовать как генетическую преемственность, хотя в каждом из районов неолитическая модификация приняла собственные формы.

Список литературы

- Варга 2. Ранненеолитическая стоянка в Среднем Зауралье (опыт комплексного исследования). Екатеринбург: [б. и.], 2007. 100 с.
- Вилисов Е. В.** Микролитический комплекс святилища Кокшаровский холм // Уральский исторический вестник. 2006. № 14. С. 177–196.
- Генинг В. Ф., Петрин В. Т., Косинская Л. Л.** Первые поселения эпохи позднего палеолита и мезолита в Западной Сибири // Из истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1973. Вып. 5. С. 24–47.
- Дубовцева Е. Н.** Традиции керамического производства на севере Западной Сибири // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию В. П. Третьякова. СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2015. С. 209–213.
- Дубовцева Е. Н., Косинская Л. Л., Пицонка Х.** Анализ вещевого комплекса и новые радиоуглеродные датировки ранненеолитического городища Амня I // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8, № 2 (27). С. 149–159. DOI 10.24411/2309-4370-2019-12210
- Еньшин Д. Н.** К проблеме интерпретации некоторых локальных типов керамики в контексте боборыкинской проблематики (горно-лесное Зауралье, таежная и лесостепная зоны Западной Сибири) // V Северный археологический конгресс: Тез. докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: ООО Универсальная типография «Альфа-Принт», 2019. С. 82–84.
- Зах В. А., Скочина С. Н.** Ранний комплекс поселения Мергенъ 6 в Нижнем Приишимье (по материалам 1990, 2002 и 2004 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 11. С. 16–28.
- Ивасько Л. В.** Укрепленное поселение каменного века Каюково 2 // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. С. 7–25.
- Иващенко С. Н., Толпеко И. В.** Переход от палеолита к неолиту: пластинчатая микроиндустрия Среднего Прииртышья // Современные проблемы археологии России: Материалы Всерос. археол. съезда. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. 1. С. 117–120.
- Клементьева Т. Ю., Круземент С. А., Погодин А. А.** Поселения эпохи неолита на севере Западной Сибири (бассейн Конды): полевые исследования 2007–2011 гг. // Первобытные древности Евразии: к 60-летию А. Н. Сорокина. М.: Изд-во ИА РАН, 2012. С. 497–524.
- Косинская Л. Л.** Неолит Надым-Пуровского водораздела: источники и проблематика // Вестник ТГУ. История. 2013. № 3 (23). С. 240–245.
- Молодин В. И., Хансен С., Ненахов Д. А., Райнхольд С., Ненахова Ю. Н., Нестерова М. С., Дураков И. А., Мыльникова Л. Н., Кобелева Л. С., Васильев С. К.** Новые данные о неолитических комплексах памятника Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. 22. С. 135–139.
- Молодин В. И., Райнхольд С., Мыльникова Л. Н., Ненахов Д. А., Хансен С.** Радиоуглеродные даты неолитического комплекса памятника Тартас-1 (ранний неолит) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 3: Археология и этнография. С. 39–56. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-3-39-56

- Морозов В. М., Стефанов В. И.** Городище Амня 1 – древнейшее городище Северной Евразии? // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. Вып. 21. С. 143–170.
- Панина С. Н.** Новые данные в исследовании Усть-Вагильского холма – культового памятника эпохи неолита – железного века в лесном Зауралье // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. 1. С. 183–185.
- Погодин А. А.** Каменный век на территории Северо-Западной Сибири (по материалам исследований палеолита и мезолита) // Археологическое наследие Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. С. 5–15.
- Развитие ландшафтов и климата Северной Евразии. Поздний плейстоцен – голоцен – элементы прогноза. М.: ГЕОС, 2002. Вып. 2: Общая палеогеография. Атлас-монография. 232 с.
- Сериков Ю. Б., Балужева Ю. В., Коноваленко М. В.** Каменный инвентарь нового мезолитического поселения на севере Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 5–19.
- Стефанов В. И., Борзунов В. А.** Неолитическое городище Амня I (по материалам раскопок 1993 и 2000 годов) // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008. С. 93–111.
- Стефанов В. И., Морозов В. М., Погодин А. А.** Кирип-вис-юган 2 – памятник амнинского типа (к вопросу о неолите Приказымыя) // Источники по археологии Западной Сибири: Сб. науч. тр. Сургут: Изд-во СурГПУ, 2005. С. 19–33.
- Стоянов В. Е., Крижевская Л. Я., Старков В. Ф.** Мезолитическая стоянка Сухрино I на Исети // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1977. С. 72–84.
- Хлобыстин Л. П.** Сатыгинский тип керамики Западной Сибири // Ad Polus (Археологические изыскания). СПб.: Фарн, 1993. Вып. 10. С. 29–37.
- Чаиркин С. Е., Чаиркина Н. М., Шакаев Б. А.** Археологические исследования восточного склона Северного Урала (Предварительные итоги) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. ст. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2009. Вып. 7. С. 168–178.
- Чемякин Ю. П.** Охранные раскопки на поселении Барсова Гора II/9, или Двадцать лет спустя // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. ст. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2009. Вып. 7. С. 198–213.
- Шорин А. Ф., Вилисов Е. Ф., Шорина А. А.** Басьяновский археологический комплекс эпохи позднего неолита: основания выделения // РА. 2015. № 1. С. 5–18.
- Шорин А. Ф., Шорина А. А.** Неолитические комплексы Кокшаровского холма: генезис, этапы развития и культурная преемственность // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8, № 2 (27). С. 262–268. DOI 10.24411/2309-4370-2019-12223

References

- Chairkin S. E., Chairkina N. M., Shakaev B. A.** Arkheologicheskie issledovaniya vostochnogo sklona Severnogo Urala (Predvaritel'nye itogi) [Archaeological studies of the eastern slope of the Northern Urals (Preliminary results)]. In: Khanty-Mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo [Khanty-Mansi Autonomous Region in the Mirror of the Past]. Sat. Articles. Tomsk, Khanty-Mansiisk, Tomsk State Uni. Publ., 2009, iss. 7, p. 168–178. (in Russ.)
- Chemyakin Yu. P.** Okhrannye raskopki na poselenii Barsova Gora II/9, ili Dvadsat' let spustya [Security excavations at the settlement of Barsova Gora II/9, or Twenty Years Later]. In: Khanty-Mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo: sbornik statei [Khanty-Mansi Autonomous Region in the Mirror of the Past]. Sat. Articles. Tomsk, Khanty-Mansiisk, Tomsk State Uni. Publ., 2009, iss. 7, p. 198–213. (in Russ.)

- Dubovtseva E. N.** Traditsii keramicheskogo proizvodstva na severe Zapadnoi Sibiri [Traditions of ceramic production in northern Western Siberia]. In: Neoliticheskie kul'tury Vostochnoi Evropy: khronologiya, paleoekologiya, traditsii [Neolithic cultures of Eastern Europe: chronology, paleoecology, traditions]. Materials of the international scientific conference dedicated to the 75th anniversary of V. P. Tretyakov. St. Petersburg, IHMC RAS Publ., 2015, p. 209–213. (in Russ.)
- Dubovtseva E. N., Kosinskaya L. L., Pietzonka H.** Analiz veshchevogo kompleksa i novye radiouglerodnye datirovki ranneneoliticheskogo gorodishcha Amnya I [Analysis of the artifact complex and new radiocarbon dating of the Early Neolithic hillfort of Amnya I]. *Samarskii nauchnyi vestnik [Samara Science Bulletin]*, 2019, vol. 8, no. 2 (27), p. 149–159. (in Russ.) DOI 10.24411/2309-4370-2019-12210
- Enshin D. N.** K probleme interpretatsii nekotorykh lokal'nykh tipov keramiki v kontekste boborynskoi problematiki (gorno-lesnoe Zaural'e, taezhnaya i lesostepnaya zony Zapadnoi Sibiri) [To the problem of interpretation of some local types of ceramics in the context of the Boborkino problem (mountain-forest Trans-Urals, taiga and forest-steppe zones of Western Siberia)]. In: V Severnyi arkhologicheskii kongress [V Northern Archaeological Congress]. Abstracts. Ekaterinburg, Khanty-Mansiisk, Alfa-Print Universal Printing Company Publ., 2019, p. 82–84. (in Russ.)
- Gening V. F., Petrin V. T., Kosinskaya L. L.** Pervye poseleniya epokhi pozdnego paleolita i mezolita v Zapadnoi Sibiri [The first settlements of the Late Paleolithic and Mesolithic in Western Siberia]. In: Iz istorii Sibiri [From the history of Siberia]. Tomsk, Tomsk State Uni. Publ., 1973, iss. 5, p. 24–47. (in Russ.)
- Ivasko L. V.** Ukreplennoe poselenie kamennogo veka Kayukovo 2 [Fortified Stone Age settlement Kayukovo 2]. In: Materialy i issledovaniya po istorii Severo-Zapadnoi Sibiri [Materials and research on the history of Northwestern Siberia]. Ekaterinburg, Ural State Uni. Publ., 2002, p. 7–25. (in Russ.)
- Ivashchenko S. N., Tolpeko I. V.** Perekhod ot paleolita k neolitu: plastinchataya mikroindustriya Srednego Priirtysh'ya [Transition from Paleolithic to Neolithic: the blade microindustry of the Middle Irtysh basin]. In: Sovremennyye problemy arkhologii Rossii [Modern problems of Russian archaeology]. Materials of the All-Russian Archaeological Congress. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2006, vol. 1, p. 117–120. (in Russ.)
- Khlobystin L. P.** Satygin'skii tip keramiki Zapadnoi Sibiri [Satygin'sky type of ceramics in Western Siberia]. In: Ad Polus (Arkhologicheskie izyskaniya) [Ad Polus (Archaeological Survey)]. St. Petersburg, Farn Publ., 1993, iss. 10, p. 29–37. (in Russ.)
- Klementieva T. Yu., Kruzement S. A., Pogodin A. A.** Poseleniya epokhi neolita na severe Zapadnoi Sibiri (bassein Kondy): polevye issledovaniya 2007–2011 gg. [Neolithic settlements in northern Western Siberia (Konda Basin): field studies 2007–2011]. In: Pervobytnye drevnosti Evrazii: k 60-letiyu A. N. Sorokina [Primitive antiquities of Eurasia: to the 60th anniversary of A. N. Sorokin]. Moscow, IA RAS Publ., 2012, p. 497–524. (in Russ.)
- Kosinskaya L. L.** Neolit Nadym-Purovskogo vodorazdela: istochniki i problematika [Neolithic of Nadym-Purovsky watershed: sources and problems]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Tomsk State University. History]*, 2013, no. 3 (23), p. 240–245. (in Russ.)
- Molodin V. I., Hansen S., Nenakhov D. A., Reinhold S., Nenakhova Yu. N., Nesterova M. S., Durakov I. A., Mylnikova L. N., Kobeleva L. S., Vasil'ev S. K.** Novye dannye o neoliticheskikh kompleksakh pamyatnika Tartas-1 [New data on the Neolithic complexes of the Tartas-1 site]. In: Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Issues of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2016, vol. 22, p. 135–139. (in Russ.)
- Molodin V. I., Reinhold S., Mylnikova L. N., Nenakhov D. A., Hansen S.** Radiocarbon dates of the Neolithic complex of the Tartas-1 site (Early Neolithic). *Vestnik NSU. Series: History and Phi-*

- logy*, 2018, vol. 17, no 3: Archaeology and Ethnography, p. 39–56. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-3-39-56
- Morozov V. M., Stefanov V. I.** Gorodishche Amnya I – drevneishee gorodishche Severnoi Evrazii? [The fort of Amnya I – the oldest fortified settlement of Northern Eurasia?]. In: Voprosy arkheologii Urala [Archaeology issues in the Urals]. Ekaterinburg, Ural State Uni. Publ., 1993, iss. 21, p. 143–170. (in Russ.)
- Panina S. N.** Novye dannye v issledovanii Ust'-Vagil'skogo kholma – kul'tovogo pamyatnika epokhi neolita – zheleznoogo veka v lesnom Zaural'e [New data in the study of Ust-Vagil Hill sanctuary of the Neolithic – Iron Age in the forest of Trans-Urals]. In: Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda [Proceedings III (XIX) of the All-Russian Archaeological Congress]. St. Petersburg, Moscow, Great Novgorod, 2011, vol. 1, p. 183–185. (in Russ.)
- Pogodin A. A.** Kamennyi vek na territorii Severo-Zapadnoi Sibiri (po materialam issledovaniya paleolita i mezolita) [Stone Age in Northwestern Siberia (based on Paleolithic and Mesolithic studies)]. In: Arkheologicheskoe nasledie Yugry. Plenarnyi doklad II Severnogo arkheologicheskogo kongressa [The archaeological heritage of Ugra. Plenary Report of the II Northern Archaeological Congress]. Ekaterinburg, Khanty-Mansiisk, Charoid Publ., 2006, p. 5–15. (in Russ.)
- Razvitie landshaftov i klimata Severnoi Evrazii. Pozdnii pleistotsen – golotsen – elementy prognoza [The development of the landscapes and climate of Northern Eurasia. Late Pleistocene – Holocene – elements of the forecast]. Moscow, GEOS Publ., 2002, iss. 2: Total paleogeography. Atlas monograph, 232 p. (in Russ.)
- Serikov Yu. B., Balueva Yu. V., Konovalenko M. V.** Kamennyi inventar' novogo mezoliticheskogo poseleniya na severe Zapadnoi Sibiri [Stone inventory of a new Mesolithic settlement in northern Western Siberia]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2018, no. 4 (43), p. 5–19. (in Russ.)
- Shorin A. F., Shorina A. A.** Neoliticheskie komplekсы Koksharovskogo kholma: genesis, etapy razvitiya i kul'turnaya preemstvennost' [Neolithic complexes of Koksharovsky Kholm: genesis, stages of development and cultural continuity]. *Samarskii nauchnyi vestnik* [Samara Science Bulletin], 2019, vol. 8, no. 2 (27), p. 262–268. (in Russ.) DOI 10.24411/2309-4370-2019-12223
- Shorin A. F., Vilisov E. F., Shorina A. A.** Bas'yanovskii arkheologicheskii kompleks epokhi pozdnego neolita: osnovaniya vydeleniya [Basyanovo archaeological complex of the Late Neolithic: the grounds of allotment]. *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 2015, no. 1, p. 5–18. (in Russ.)
- Stefanov V. I., Borzunov V. A.** Neoliticheskoe gorodishche Amnya I (po materialam raskopok 1993 i 2000 gg.) [Neolithic fort of Amnya I (based on the materials of excavations 1993 and 2000)]. In: Barsova Gora: drevnosti taezhnogo Priob'ya [Barsova Gora: the antiquity of the taiga Ob basin]. Ekaterinburg, Surgut, Ural Publ. House, 2008, p. 93–111. (in Russ.)
- Stefanov V. I., Morozov V. M., Pogodin A. A.** Kirip-vis-yugan 2 – pamyatnik amninskogo tipa (k voprosu o neolite Prikazym'ya) [Kirip-wis-yugan 2 – settlement of Amnya type (to the question of the Neolithic of Kazym basin)]. In: Istochniki po arkheologii Zapadnoi Sibiri [Archaeological Sources of Western Siberia]. A collection of scientific papers. Surgut, Surgut State Pedagogical Uni. Publ., 2005, p. 19–33. (in Russ.)
- Stoyanov V. E., Krizhevskaya L. Ya., Starkov V. F.** Mezoliticheskaya stoyanka Sukhrino I na Iseti [Sukhrino I Mesolithic site at Iset River]. In: Arkheologicheskie issledovaniya na Urale i v Zapadnoi Sibiri [Archaeological research in the Urals and Western Siberia]. Sverdlovsk, Ural State Uni. Publ., 1977, p. 72–84. (in Russ.)
- Varga 2. Ranneneoliticheskaya stoyanka v Srednem Zaural'e (opyt kompleksnogo issledovaniya) [Varga 2. Early Neolithic site in the Middle Trans-Urals (experience of integrated study)]. Ekaterinburg, 2007, 100 p. (in Russ.)

- Vilsov E. V.** Mikroliticheski kompleks svyatilishcha Koksharovskii kholm [Microlithic assemblage of the Koksharovsky Kholm Shrine]. *Ural'skii istoricheskii vestnik [Ural Historical Bulletin]*, 2006, no. 14, p. 177–196. (in Russ.)
- Zakh V. A., Skochina S. N.** Rannii kompleks poseleniya Mergen' 6 v Nizhnem Priishim'e (po materialam 1990, 2002 i 2004 gg.) [Early complex of the Mergen 6 settlement in Lower Ishim basin (based on the materials 1990, 2002 and 2004)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]*, 2009, no. 11, p. 16–28. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
01.06.2020

Сведения об авторе

Косинская Любовь Львовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)
ver2142@yandex.ru
ORCID 0000-0003-3316-2041

Information about Author

Lyubov L. Kosinskaya, PhD in History, Senior Researcher at the Ural Institute of Humanities at Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russian Federation)
ver2142@yandex.ru
ORCID 0000-0003-3316-2041